

УДК 336.2:339.5

БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫЕ ЭФФЕКТЫ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ СЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА РОССИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА: НДПИ, НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ И ФИСКАЛЬНЫЕ РИСКИ

Медведева М. Б.¹

Аннотация: Статья посвящена бюджетно-налоговым последствиям переориентации российского сырьевого экспорта, начавшейся после 2022 года. Сырьё по-прежнему составляет около двух третей совокупного товарного экспорта, а налогообложение нефтегазового сектора претерпевает существенные изменения в условиях эмбарго и механизма «потолка цен» на российские энергоресурсы. Проанализированы разграничение бюджетных доходов на нефтегазовые и ненефтегазовые, роль НДПИ как инструмента изъятия ренты и региональная асимметрия фискальных рисков - от дотационных территорий до субъектов с устойчивым «эффектом колеи» сырьевой специализации. Сделан вывод о нарастающей непредсказуемости нефтегазовых доходов при смещении экспорта на новые рынки и о необходимости пересмотра методики расчёта цены нефти для целей НДПИ.

Ключевые слова: сырьевой экспорт; НДПИ; нефтегазовые доходы; бюджетные доходы; налогообложение недропользования; переориентация экспорта; фискальная политика

Для цитирования: Медведева М. Б. БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫЕ ЭФФЕКТЫ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ СЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА РОССИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА: НДПИ, НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ И ФИСКАЛЬНЫЕ РИСКИ // Московский вестник экономических наук. №3 (2024). С. 10-17.

FISCAL AND TAX EFFECTS OF RUSSIA'S COMMODITY EXPORT REORIENTATION AFTER 2022: MINERAL EXTRACTION TAX, OIL-AND-GAS REVENUES AND FISCAL RISKS

Medvedeva M. B.¹

Abstract: The article deals with the budgetary and tax consequences of Russia's commodity export reorientation that began after 2022. Raw materials still account for roughly two thirds of total merchandise exports, while taxation of the oil-and-gas sector is undergoing significant transformation under the embargo regime and the price-cap mechanism for Russian energy resources. The study reviews the demarcation of budget revenues into oil-and-gas and non-oil-and-gas categories, the role of the mineral extraction tax as a rent-extraction instrument, and the regional asymmetry of fiscal risk - from subsidy-dependent territories to regions locked into resource specialization by path-dependence effects. The conclusion points to growing unpredictability of oil-and-gas budget revenues as export flows shift toward new markets and to the need to revise reference-price methodology used for mineral extraction tax purposes.

Keywords: commodity export; mineral extraction tax; oil-and-gas revenues; budget revenues; subsoil use taxation; export reorientation; fiscal policy

ВВЕДЕНИЕ

Российская экономика сохраняет глубокую привязку к экспорту углеводородов: по подсчётам Н.В. Глушак и Т.А. Елаго, доля сырья в совокупном товарном экспорте устойчиво держится на уровне двух третей, что делает бюджет чрезвычайно зависимым от мировой ценовой конъюнктуры [3]. Промышленный сектор, за вычетом добывающих отраслей, испытывает спад, и углеводородный комплекс по-прежнему обеспечивает основную часть валютных поступлений и налоговых

платежей [1]. К.Р. Тузов, анализируя зависимость страны от сырьевого экспорта, указывал, что устойчивость этой пропорции воспроизводится десятилетиями вне зависимости от декларируемых целей диверсификации [1].

Ситуация резко изменилась после 2022 года. Введение эмбарго со стороны ЕС, G7 и Австралии, а также установление «потолка цен» на российскую нефть, транспортируемую морским путём, поставили под вопрос привычную конструкцию налогообложения добычи и экспорта. М.М. Юмаев, исследуя текущее состояние фискальной нагрузки на нефтегазовый сектор в этих условиях, зафиксировал, что с 2023 года бюджетное правило перестало опираться на биржевые котировки: базовые нефтегазовые доходы были фиксированы в абсолютной величине (8 трлн руб. на 2023–2025 гг.), а всё, что поступает сверх этого порога, направляется в Фонд национального благосостояния [4]. Тем самым государство фактически отказалось от рыночной привязки при планировании расходной части бюджета, но сама налоговая база НДС по-прежнему определяется через цену нефти - и именно здесь заложено противоречие, усилившееся при смене экспортных маршрутов.

Ещё до санкционного давления В.В. Понкратов анализировал формирование и использование нефтегазовых доходов федерального бюджета в условиях низких цен на нефть и приостановки бюджетного правила. Он показал, что система налогообложения добычи и экспорта нефти обладает определённой адаптивностью за счёт автоматической корректировки ставки НДС и экспортной пошлины через коэффициент, учитывающий мировую цену и курс рубля к доллару: при цене ниже 15 долл./барр. НДС перестаёт уплачиваться вовсе, а при средних ценах нагрузка перераспределяется между бюджетом и нефтяными компаниями [2]. Однако механизм, сконструированный для колебаний цены на одном и том же рынке сбыта, не рассчитан на ситуацию, при которой реальная экспортная цена систематически отклоняется от бенчмарка вследствие дисконтов, навязанных сменой покупателей.

Целью настоящей работы является анализ бюджетно-налоговых последствий переориентации российского сырьевого экспорта с акцентом на три аспекта: трансформацию НДС как инструмента изъятия ренты, влияние на структуру нефтегазовых доходов федерального бюджета и неравномерность фискальных рисков на региональном уровне.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа построена как аналитический обзор рецензируемых публикаций, посвящённых налогообложению нефтегазового сектора, структуре бюджетных доходов и региональным последствиям сырьевой зависимости. Источники отбирались по критерию тематического соответствия: НДС и экспортные пошлины, нефтегазовые и ненефтегазовые доходы, фискальные риски переориентации экспорта. Временной горизонт охвата - 2015–2024 годы, что позволяет сопоставить ситуацию до и после санкционного разрыва.

Материал организован вокруг трёх направлений сравнительного анализа. Первое - трансформация налогообложения недропользования: сопоставляются механизмы формирования НДС и экспортных пошлин до 2022 года (автоматическая корректировка через коэффициент мировой цены) и после (фиксация базовых доходов, введение ограничения дисконта для целей налогообложения). Второе - динамика структуры бюджетных поступлений: разграничение нефтегазовых и ненефтегазовых доходов [5] рассматривается как аналитическая рамка, позволяющая отделить конъюнктурную часть бюджета от относительно устойчивой. Третье - региональная проекция фискальных рисков: привлечены исследования бюджетной обеспеченности дотационных территорий [6], институциональной инерции пространственного развития [7] и факторного анализа региональных экономических систем [8].

Дополнительно учтены работы, касающиеся цифровизации налогового администрирования и регионального управления [9; 10], - они рассматриваются как контекст возможных адаптационных механизмов, способных повысить собираемость платежей и прозрачность налоговой базы в условиях перестройки экспортных потоков.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Переустройство налогообложения нефтегазового сектора: НДС и бюджетное правило.

До 2022 года конструкция НДС опиралась на понятную логику: ставка корректировалась через коэффициент, привязанный к цене сорта Urals и курсу доллара. В.В. Понкратов подробно разбирал эту механику на примере бюджета 2016 года, когда кратный рост базовой ставки НДС в рамках «налогового маневра» был компенсирован снижением экспортной пошлины, а адаптивность системы позволяла нефтяным компаниям работать даже при цене 25 долл./барр. [2]. Ключевое допущение состояло в том, что котировки Urals достаточно точно отражают выручку экспортёров, а разница между внутренней ценой и экспортной определяется главным образом транспортными расходами и пошлиной.

После введения эмбарго и «потолка цен» это допущение перестало работать. Смена покупателей - прежде всего Индия и Китай - сопровождалась значительными дисконтами: М.М. Юмаев приводит данные о скидках до 30 долл./барр. (порядка 40% от биржевой цены) в период первой волны перестройки логистики [4]. Реальная выручка экспортёров оказалась существенно ниже котировок Brent, на которые ранее ориентировался НДС. Правительство отреагировало введением законодательного ограничения дисконта: с июля 2023 года для целей налогообложения разница между ценой Urals и Brent не могла превышать 25 долл./барр. Это означало, что если фактический дисконт оказывался глубже, бюджет всё равно начислял НДС, исходя из искусственно завышенной цены, - разрыв между начисленным и экономически обоснованным налогом ложился на нефтяные компании.

М.М. Юмаев обращает внимание на ещё одно последствие: отказ от привязки бюджетного правила к биржевым котировкам и переход к фиксированной величине базовых нефтегазовых доходов (8 трлн руб.) фактически разрывает связь между рыночной конъюнктурой и планированием расходов бюджета [4]. Доходы сверх порога отсекаются в ФНБ, недобор - покрывается из того же фонда. Для текущей ситуации это рациональный выбор, снижающий зависимость расходной части от непредсказуемых колебаний дисконта. Однако само по себе бюджетное правило не устраняет волатильность поступлений: если дисконт сужается (а по мере адаптации логистики он действительно сокращался - с 30–35 долл./барр. в начале 2023 года до 10–15 долл./барр. к концу того же года), нефтегазовые доходы растут; если расширяется - падают. Предсказуемость налоговой базы НДС, таким образом, определяется не столько уровнем мировых цен, сколько величиной дисконта, а он зависит от переговорной позиции российских поставщиков, ёмкости азиатского рынка и логистических издержек.

Структура бюджетных доходов: нефтегазовая и ненефтегазовая составляющие.

Д.Х. Джабраилов, обосновывая особое место нефтегазовых доходов в системе бюджета Российской Федерации, предложил чёткое разграничение двух компонентов: нефтегазовые поступления (НДС на углеводороды, вывозные таможенные пошлины на нефть, газ и нефтепродукты, НДС) и ненефтегазовые (все прочие налоговые и неналоговые доходы) [5]. Это разграничение не просто классификационное - оно позволяет оценить, какую долю бюджетных обязательств государство способно покрыть без привлечения конъюнктурных поступлений. Показатель ненефтегазового дефицита (разница между расходами и ненефтегазовыми доходами) служит индикатором структурной зависимости бюджета от сырьевой ренты.

По данным М.М. Юмаева, доля нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2021 году достигала 59%, обеспечив поступление 9,1 трлн руб. [4]. В 2022 году, несмотря на санкционное давление, она даже выросла: за одиннадцать месяцев нефтегазовые доходы превысили годовой результат 2021 года на 18% (примерно на 1,6 трлн руб.) благодаря росту рублёвой цены нефти и увеличению физических объёмов добычи в первом полугодии. Однако помесечная динамика НДС показательна: прирост поступлений относительно 2021 года неуклонно сокращался с двукратного в январе-апреле до отрицательных значений в октябре-ноябре, повторяя траекторию снижения долларовой цены Urals. Это наглядно демонстрирует, что адаптивность системы НДС работает в обе стороны: она амортизирует падение, но не создаёт стабильности.

С 2023 года прогнозы Минфина России предполагали опережающий рост ненефтегазовых доходов при снижении доли нефтегазовых. Д.А. Самофалов фиксировал аналогичную тенденцию на уровне региональных бюджетов нефтедобывающих субъектов, где сокращение трансфертов из федерального центра вынуждало территории наращивать собственную доходную базу - налог на прибыль,

имущественные налоги, акцизы [5; 6]. Однако темпы такого замещения существенно различаются от региона к региону, что выводит анализ на проблему территориальной асимметрии.

Последствия переориентации экспорта распределяются между федеральным и региональным уровнями неравномерно. НДС и экспортные пошлины полностью зачисляются в федеральный бюджет, поэтому прямое влияние колебаний дисконта на доходы субъектов Российской Федерации ограничено. Однако косвенное влияние существенно: федеральные трансферты, формируемые за счёт нефтегазовых доходов, составляют основу бюджетов дотационных регионов.

И.И. Ибрагимова, проанализировав бюджетную политику Республики Дагестан, продемонстрировала обратный полюс сырьевой модели: регион обладает крайне низкой собственной доходной базой и критически зависит от межбюджетных трансфертов [6]. Для таких территорий угроза заключается не в колебаниях НДС (его они не собирают), а в сокращении трансфертного потока, производного от тех же нефтегазовых доходов федерального центра. Любое устойчивое снижение нефтегазовых поступлений транслируется на дотационные регионы с запаздыванием в один-два бюджетных цикла, но в полном объёме.

На противоположном полюсе находятся нефтедобывающие субъекты - Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Татарстан, Башкортостан, - чья экономика привязана к добывающему сектору через налог на прибыль нефтегазовых компаний, НДФЛ работников отрасли и имущественные налоги. С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов и А.М. Ситковский, исследуя пространственную неоднородность развития на примере Челябинской области, описали «эффект колеи» - устойчивое воспроизводство сложившейся отраслевой специализации территорий, закреплённое институционально через административно-территориальное деление, инфраструктурную конфигурацию и кадровую структуру [7]. Применительно к нефтедобывающим регионам этот эффект означает, что диверсификация налоговой базы блокируется самим устройством территориальной экономики: инвестиции, рабочие места и бюджетные поступления сконцентрированы вокруг добычи, а альтернативные сектора развиты слабо.

Как показано в исследованиях региональной структуры внешнеэкономических связей, отраслевая специализация территорий существенно влияет на устойчивость доходов бюджета при переориентации экспортных потоков [8]. Для регионов с преобладанием добывающих отраслей это означает встроенную зависимость бюджета от внешнеторговой конъюнктуры: изменение экспортных маршрутов и валюты расчётов влияет на прибыль компаний, а через неё - на налоговые поступления в региональный бюджет. Переход расчётов на юани и рупии, удлинение логистических цепочек и необходимость инвестиций в портовую инфраструктуру восточного направления снижают маржинальность экспорта и, соответственно, налогооблагаемую прибыль, - этот эффект пока не учтён ни в бюджетном планировании субъектов, ни в прогнозах Минфина.

Отдельного внимания заслуживает вопрос налогового администрирования в новых условиях. Переориентация на азиатские рынки сопряжена с усложнением документооборота, множественностью валют расчёта и непрозрачностью ценообразования при поставках через посредников. В литературе по внешней торговле в условиях санкций подчёркивается, что адаптация экспортных потоков и фискальных механизмов требует повышения прозрачности контрактных данных и снижения информационных асимметрий между экспортёрами и налоговыми органами [9; 10]. Применительно к налогообложению недропользования цифровизация способна сократить разрыв между фактической ценой реализации и той, что используется для расчёта НДПИ, - при условии, что налоговые органы получают доступ к данным о реальных условиях экспортных контрактов в режиме, близком к реальному времени.

ВЫВОДЫ

Переориентация российского сырьевого экспорта после 2022 года затронула не только логистику и торговую географию, но и фундамент бюджетно-налоговой конструкции. НДПИ, спроектированный для рынка с прозрачными биржевыми котировками и единым бенчмарком, оказался в ситуации, когда реальная экспортная цена систематически отклоняется от расчётной. Законодательное ограничение дисконта для целей налогообложения - вынужденная мера, перекладывающая часть фискальной нагрузки на компании вне связи с их фактической выручкой.

Фиксация базовых нефтегазовых доходов в рамках обновлённого бюджетного правила снижает зависимость расходной части федерального бюджета от ценовой конъюнктуры, но не устраняет волатильность поступлений, определяемую величиной дисконта, валютным курсом и физическими объёмами экспорта. Разграничение доходов на нефтегазовые и ненефтегазовые [5] остаётся аналитически полезным, однако само по себе не решает проблему структурной зависимости бюджета.

На региональном уровне риски распределяются асимметрично: дотационные территории уязвимы к сокращению трансфертов [6], а нефтедобывающие субъекты - к падению прибыли компаний, причём и те и другие воспроизводят сложившуюся бюджетную конфигурацию в силу «эффекта колеи» [7]. Корреляция между отраслевой специализацией и структурой доходов территории [8] подтверждает, что без целенаправленной диверсификации фискальной базы регионы останутся заложниками внешнеторговой конъюнктуры.

Дальнейшая адаптация налоговой системы к новым экспортным реалиям требует, как минимум, пересмотра методики определения расчётной цены нефти для целей НДПИ - с учётом реальных условий контрактов на азиатских направлениях, валюты расчёта и логистических издержек. Без такой корректировки разрыв между начисленным и экономически обоснованным налогом будет нарастать, подрывая и предсказуемость бюджетных доходов, и инвестиционную привлекательность добычи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тузов К.Р. Проблема зависимости России от сырьевого экспорта // Теория и практика современной науки. 2015. № 6 (6). С. 1297–1300.
2. Понкратов В.В. Формирование и использование нефтегазовых доходов федерального бюджета в условиях низких цен на энергоресурсы и отсутствия бюджетного правила // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9, № 2. С. 104–111.
3. Глушак Н.В., Елаго Т.А. Исследование проблемы сырьевой зависимости России от экспорта энергоресурсов // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 130–139.
4. Юмаев М.М. Налоговая политика в отношении нефтегазового сектора Российской Федерации в условиях структурных изменений мировой экономики // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 1. С. 152–162. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162.
5. Джабраилов Д.Х. К вопросу о месте нефтегазовых доходов в системе бюджета РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. Т. 73, № 4. С. 41–43. DOI: 10.18411/lj-05-2021-132.
6. Ибрагимова И.И. Бюджетная политика Республики Дагестан в области бюджетных доходов // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 197–204. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.028.
7. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. «Эффект колеи» в пространственном межмуниципальном развитии // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 40–55. EDN: UFZYAY.
8. Спартак А. Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 4. — С. 9–35. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-4-9-35.
9. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 3 (55). — С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
10. Нарбут В. В., Шпаковская Е. П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 2. — С. 131–148.

REFERENCES

1. Tuzov K.R. The problem of Russia's dependence on commodity exports. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, 2015, no. 6 (6), pp. 1297–1300. (In Russ.).
2. Ponkratov V.V. Generation and use of oil and gas revenues of the federal budget under conditions of low energy prices and lack of budgetary rules. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 104–111. (In Russ.).
3. Glushak N.V., Yelago T.A. Study of the problem of raw material dependence of Russia on energy exports. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 130–139. (In Russ.).
4. Yumaev M.M. Tax policy in the oil and gas sector of the Russian Federation in the context of structural changes in the world economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 152–162. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162. (In Russ.).
5. Dzhabrailov D.Kh. On the place of oil and gas revenues in the budget system of the Russian Federation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2021, vol. 73, no. 4, pp. 41–43. DOI: 10.18411/lj-05-2021-132. (In Russ.).
6. Ibragimova I.I. Budget policy of the Republic of Dagestan in the area of budget revenues. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika*, 2024, no. 6, pp. 197–204. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.028. (In Russ.).
7. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Sitkovskiy A.M. "Path dependence" in spatial inter-municipal development. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 4 (29), pp. 40–55. EDN: UFZYAY. (In Russ.).
8. Spartak A.N. Reformatting of Russia's international economic cooperation under sanctions and new challenges. *Russian Foreign Economic Journal*, 2023, no. 4, pp. 9–35. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-4-9-35. (In Russ.).
9. Ushkalova D.I. Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Journal of the New Economic Association*, 2022, no. 3 (55), pp. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In Russ.).
10. Narbut V.V., Shpakovskaya E.P. Vectors of Russia's foreign trade development under sanctions. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 2, pp. 131–148. (In Russ.).

Информация об авторе

МЕДВЕДЕВА Марина Борисовна

кандидат экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

г. Москва, Россия

E-mail: mmborisovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7028-9602

SPIN-код: 7990-5298

Information about the author

MEDVEDEVA Marina Borisovna

Candidate of Economic Sciences, Professor,
Financial University under the Government of the
Russian Federation

Moscow, Russia

E-mail: mmborisovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7028-9602

SPIN: 7990-5298